

УДК: [340.158 + 342.541]:94(470)
DOI: 10.18503/2658-3186-2021-5-3-27-36

М. И. Мирошниченко (Челябинск, Россия)
В. А. Журавлева (Златоуст, Россия)

«БЫВШИЕ ЛЮДИ»: СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА

Аннотация. В статье проанализирован социальный статус, состав и динамика структуры новой социальной группы «бывшие люди», появившейся с 1918 г. Показано, что причинами ее формирования стали положения декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», принятого 10 ноября 1917 г., и Конституции РСФСР 1918 г. Ядро социальной группы «бывших» первоначально составили люди, лишённые звания, титула или чина, которые некогда давали им и членам их семей привилегированный статус. Сравнение категорий лиц, лишённых избирательных прав, «бывших людей» и «врагов народа» показывает, что их состав в основном пересекается. Сделаны выводы о том, что структура социальной группы «бывшие» носила аморфный характер. В зависимости от изменения политической обстановки в нее включались те социальные слои, политическая позиция которых была противоположна политике Советов. Декреты о переделе собственности в условиях победы «красных» в Гражданской войне превращали представителей бывших имущих классов (отсюда и название «бывшие») в маргинальную группу. Выявлена роль Уголовного Кодекса 1922 г., Гражданского Кодекса 1922 г. и Уголовного Кодекса 1926 г. в регулировании положения «бывших». Рассмотрены применяемые в Советском государстве меры социальной защиты (ссылка, высылка). Отмечается, что постепенно в общественном сознании категории «бывших» и «врагов народа» стали сближаться. Изменение политической конъюнктуры привело к усилению репрессий против «бывших», при этом личная лояльность отдельных людей, не примыкавших до октября 1917 г. к большевикам, не принималась во внимание.

Ключевые слова: «бывшие люди», царские чиновники, белоказачество, белые офицеры, нормативно-правовой статус.

Введение

Прекращение былых страхов населения, связанных со своим происхождением, поиск корней, интерес к своему роду, в котором по сути своей проявляется интерес к своей культуре, интерес к генеалогии, внимание общества к проблемам сословности обуславливают научную актуальность изучения категории «бывших людей». Со второй половины 1980-х гг. началось открытое восстановление утраченных семейных связей, активизировался поиск родственников за границей.

Появились исторические объединения персонально-биографического характера – родословные, исторические, сословные, геральдические общества. В 1990 г. в Москве было восстановлено Историко-родословное общество, созданное еще в 1904 г., а уже 30 октября 1990 г. в Екатеринбурге состоялось первое организационное собрание Екатеринбургского отделения Историко-родословного общества (ИРО). В Санкт-Петербурге в 1991 г. возродилось Русское генеалогическое общество. В апреле 1991 г. в г. Химки Московской области прошел учредительный съезд Всесоюзного геральдического общества. В Перми 27 октября 1991 г. была создана Ассоциация генеалогов-любителей, претендовавшая на объединение генеалогов-любителей в масштабах России в целом. Осенью 1991 г. большинство членов провозглашенного, но несостоявшегося Екатеринбургского отделения ИРО приняли участие в создании нового Уральского генеалогического общества под председательством Г. В. Гассельблата. В ноябре 1995 г. было создано, а в мае 1996 г. зарегистрировано как межрегиональная общественная организация Уральское историко-родословное общество под председательством Ю. И. Коновалова. В общество вошли представители Свердловской, Челябинской и Курганской областей [9, с. 55–56, 59].

Генеалогические изыскания носят обычно справочный характер. Они представляют собой родословные схемы, фотографии из семейных архивов, краткие биографии наиболее выдающихся членов рода, содержащие ценные крупницы информации [см., например: 22]. В отечественной историографии проблемы можно выделить несколько блоков.

Ведущую роль в изучении проблемы «бывших людей» играют труды Т. М. Смирновой. В числе специальных исследований следует отметить в первую очередь ее кандидатскую и докторскую диссертации, защищенные соответственно в 1995 г. и 2010 г. [11; 17], а также монографию 2003 г. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг.» [15] и другие работы этого автора [12; 14; 16; 18]. Отметим отдельно публикации методологического, историографического и источниковедческого характера [10; 13; 19; 20].

В исследовании В. В. Марковчина «Бывшие люди» [5] показана роль Гражданской войны в

расширении категории «чуждых». Вызывают интерес историков судьбы российского дворянства, но в основном внимание отдается событиям 1917 г. [6]. Судьбы знатных аристократических фамилий прослеживает Дуглас Смит в своей книге «Бывшие люди. Последние дни русской аристократии» [21]. Доля «бывших» в составе репрессированных изучается по регионам [1] и в составе других социальных групп, например, в составе женского социума на Урале в 1920-е – 1930-е гг. [7; 8, с. 117–121].

Цель статьи – охарактеризовать структуру категории «бывшие люди» и показать особенности формирования ее нормативно-правового статуса.

Основу источниковой базы составили нормативно-правовые акты и архивные материалы из фондов региональных архивов – Объединенного государственного архива Челябинской области, Государственного архива Пермского края, Уральского государственного архива административных органов Свердловской области. Важную роль сыграли документы делопроизводства административных органов, разного рода анкеты, отложившиеся в фондах губернских статистических бюро, особенно «Анкета для бывших офицеров и чиновников белых армий». Изучение воспоминаний позволяет реконструировать ткань повседневной жизни «бывших», отношение окружающих к ним¹. Теоретико-методологическая основа исследования – социальная история. Как история социальных структур, процессов и движений социальная история ориентирована не столько на описание, сколько на объяснение социальных условий, порождающих, ограничивающих или стимулирующих политические действия. Во второй половине XX в. вместо господства позиций экономического материализма, наблюдавшегося с 1880-х – 1890-х гг., в социальной истории утвердилась концепция социального статуса как исторической практики. Однако анализ социальной структуры по-прежнему составляет обязательный атрибут изучения социального содержания истории. В социально-исторических исследованиях важно выявить изменения политических, культурных, социальных и хозяйственных условий жизни социальной группы, показать их роль в модификации интенций, моделей социальной жизни, механизмов социального поведения.

1. Истоки появления категории «бывших»

Процессы политизации общественной жизни в условиях зарождения тоталитаризма в советском обществе привели к изменению отношения РКП (б) к социальному происхождению и социальному положению в статусной оценке личности. Декларируемый еще с 1903 г. принцип ограничения «эксплуататоров» в правах с октября 1917 г. не только получил практическое воплощение, но и стал развиваться и углубляться. Радикальные политические и социально-экономические сдвиги, направленные на установление социальной справедливости (в представлении большевистских лидеров того времени), изменили судьбы всего населения. Появилось понятие «бывшие люди», или «бывшие».

2. Структура категории «бывших»

В традиционном понимании в состав социальной группы «бывших» входили дворяне; священнослужители; монахи; офицеры белой армии; служащие и агенты полиции; жандармы; главы правящих династий; «эксплуататоры» – лица, прибегающие к наемному труду и живущие на нетрудовой доход (процент с капитала, доходы с предприятий и т. п.); частные торговцы. Такое представление в том или ином виде закрепилось, без указания на источник, в учебной литературе [3, с. 326]. Однако круг лиц, входивших в эту общественную группу, юридически не был определен. Но формально категория «бывших» создавалась в результате ряда правовых норм, вводимых декретами новой власти. Статья 2 декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», принятого 10 ноября 1917 г., отменяла всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и проч.), титулы (княжеские, графские и проч.) и наименования чинов (тайные, статские и проч. советники), устанавливая одно наименование – «граждане Российской Республики»². Условия жизни представителей бывших имущих классов, особенно высшей аристократии, резко изменились. Первые признаки этого были связаны уже с запретом Временного правительства переводить капиталы за границу. В дополнение к национализации законодательно декретом ВЦИК «О дарении» от 20 мая 1918 г. были запрещены дарения, передача, переуступка и другие безвозмездные предоставления имущества от собственников

¹Голицына И. Д. Воспоминания о России (1900–1932) / пер. с англ. Т. И. Голицыной, О. А. Несмеяновой: предисл. А. М. Хитрова. М.: Айрис-пресс, 2005. 224 с.

²Об уничтожении сословий и гражданских чинов: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10 нояб. 1917 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

иным лицам на сумму свыше десяти тысяч рублей³; жилища бежавших с белыми и брошенные жилые строения и конфисковались. Те, кто ранее владел званием, титулом, чином, то есть имел статус, который давал закрепленные законом привилегии, теперь становились «бывшими». Со временем состав этой категории расширялся. Понятно, что «бывшие» стали в будущем одним из основных ресурсов пополнения категории «врагов народа».

Уже с конца мая 1918 г. после провала попытки осуществления рабочего контроля на частных предприятиях и развертывания крупномасштабной гражданской войны «рабочим и крестьянам» и «честным трудящимся гражданам» были противопоставлены «враги народа» и «контрреволюционные силы». К «врагам народа» были отнесены бывшие генералы, помещики, банкиры, а в составе «контрреволюционных сил» назывались корниловцы, «дутовские шайки» (белоказачество), кадеты, правые эсеры, белогвардейцы. Но уже тогда наряду с понятием «офицеры-монархисты» широко использовался термин «бывшие офицеры». Появились категории «иностранные агенты» и «саботажники», а также относительно нейтральные социальные «хулиганские банды». Все они в «Обращении к населению о положении на продовольственном фронте и о борьбе с контрреволюцией» от 30 мая 1918 г. объединялись общим названием – «изменники, предатели и насильники»⁴. То есть критерием для попадания в эти группы было отношение к Советской власти, особенно ярков проявившееся в политической позиции в годы Гражданской войны.

Правовым основанием выделения названных выше категорий стало закрепленное в Конституции РСФСР 1918 г. положение о том, что основной задачей наряду с уничтожением всякой эксплуатации человека человеком является «беспощадное подавление эксплуататоров» (ст. 3). Пять пунктов ст. 65 Конституции 1918 г. – пункты «а», «б», «в», «г», «д» – определили круг лиц, лишенных избирательных прав на основе прошлого и нынешнего социального статуса человека. В него вошли лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.); частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений; члены царствовавшего в России дома⁵. Как видим, здесь прямо не указаны дворяне, входившие в первую, четвертую и пятую категории. Декретом «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. «классовые враги» изолировались в концентрационные лагеря, а «лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам, мятежам», подлежали расстрелу⁶.

В общественном сознании формировалось негативное отношение к «бывшим» как к одной из категорий «контрреволюционных сил» наряду с меньшевиками, иностранными агентами. Понятия «белые офицеры» включало в себя широкий круг лиц: от «белогвардейцев», которые ставились рядом (хотя к белогвардейцам относились не только офицеры, но и рядовые) до «бывших генералов». Сюда же относились и корниловцы, офицеры-монархисты, дутовцы как военнослужащие царской армии. Бывшие помещики, бывшие банкиры, бывшие и настоящие представители духовенства (численность которого в связи с закрытием церквей и монастырей неизменно сокращалась), «желающие вернуть свои чины» наряду с другими «бывшими» и их родственникам (подпадавшими под категорию «члены их семей») автоматически включались в категорию «лишенцев» – политических мертвецов⁷. Прошлый социальный статус постоянно указывался в специально публиковавшихся в крупных городах списках лиц, лишенных избирательных прав⁸. Хотя законодательно к «бывшим» не относили кадетов, правых (а с начала июля 1918 г. и левых) эсеров, иностранных агентов, но на практике эти категории также пересекались. Показательна в этом отношении работа А. В. Луначарского о партии эсеров⁹.

Время (прошло уже более ста лет после окончания Гражданской войны 1918–1920 гг.) и политика примирения, толерантности, проводимая с начала 1990-х гг., сгладили в менталитете современных россиян остроту восприятия этих терминов. Но потери близких, зверства «белых» и «красных»,

³Известия. 1918. 13 июня.

⁴Известия. 1918. 31 мая.

⁵Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1918. №51. Ст. 582.

⁶О красном терроре [Электронный ресурс]: постановление СНК РСФСР от 5 сентяб. 1918 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁷Округ. 1927. № 5. С. 69.

⁸Государственный архив Пермского края. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 16. Л. 16 об.–19, 25 об.–34 об.

⁹Луначарский А. В. Бывшие люди: Очерк партии эс-эров. М.: Госиздат, 1922. 81 с.

потери состояния, статуса, как и память поденных рабочих, батрачества об ужасных условиях прошлой трудовой жизни стали для современников тех событий, для людей, живших в 1918–1930-е гг., факторами острого противостояния. К тому же логика становления тоталитарного режима приводила к намеренному обострению указанных противоречий.

3. Роль анкетирования

Подробные сведения о прошлом социальном статусе целенаправленно собирались губернскими статистическими бюро. Была разработана специальная «Анкета для бывших офицеров и чиновников белых армий». Она заполнялась теми лицами, которые заключались в концентрационные лагеря на срок до окончания гражданской войны. В них описывался состав семьи, местонахождение членов семьи. Так в анкете штабс-капитана К. С. Ведрова (1895 года рождения), ротного командира 15-го Курганского Сибирского стрелкового полка, кавалера трех солдатских и четырех офицерских наград, указывалось, что сестры Милица и Ольга учатся на курсах в Москве, брат Николай – врач в Красной Армии, мать Аполлиария Михайлова проживает в Ташкенте¹⁰. Подпоручик полевой легкой артиллерии, младший офицер 3-го батальона 3-го Сибирского тяжелого артиллерийского дивизиона Евгений Николаевич Засыпкин (1894 года рождения) назвал мать Александру, сестер Анну и Ольгу, служащих на продовольственном пункте станции Зима¹¹. Прапорщик П. Н. Конин (1896 года рождения), помощник начальника команды пеших разведчиков у белых, указал мать Таисию Игнатьевну, служившую в Пушкинской библиотеке г. Тюмени, сестру Антонину, которая была учительницей, другую сестру Елену – еще ученицу¹² и т. п. Все эти сведения накапливались и оседали в архивах административных органов в качестве компрометирующего материала.

Анкеты для служащих советских учреждений, которые заполнялись ими в 1922–1926 гг. и сохранялись в личных делах, также включали подобные вопросы. Двадцать четвертый вопрос звучал: «Кто из вашей семьи бежал к Колчаку?», двадцать пятый: «Кто из ваших родных и знакомых бежал к Колчаку?». Так, при устройстве на работу в прокуратуру Челябинской губернии в сентябре 1922 г. Татьяна Валентиновна Дмитриева (мещанка из г. Екатеринбург, 1904 года рождения) писала, что вся ее семья («отец, мать, братья и я») бежали к Колчаку («Причина бегства мне неизвестна»)¹³.

4. Меры социальной защиты по Уголовному кодексу РСФСР 1922 г.

Сохраняя верность прежнему курсу на уничтожение эксплуатации человека человеком и построение нового общества, Советское государство по-прежнему, в соответствии с законодательством 1922 г., лишало имущие слои каких-либо прав в области политики и образования. Как и прежде, все лица, использующие наемный труд или живущие на доходы с предприятий, проценты с капитала, не имели политических прав, в том числе не обладали правом избирать и быть избранным, не могли служить (до 1925 г.) в Красной Армии. С этой точки зрения, в общественном сознании трудящихся нэпманы и нэпачки воспринимались как новые представители «бывших».

Плохо понимая сложность правовых процессов в обществе, закономерности развития права, деятели большевистской партии и Советского государства (без В. И. Ленина, который с октября 1922 г. в связи с болезнью не принимал участия в управлении) опирались в основном на свое понимание, свои представления о развитии классовой борьбы. В этих условиях право стало регулятором общественных отношений в специфически понимаемых узкоклассовых интересах.

Уголовным кодексом РСФСР 1922 г. вводился термин «меры социальной защиты», которые подразделялись на меры судебно-исправительного характера, медицинского и медико-педагогического характера. Меры социальной защиты могли применяться не только к людям, совершившим виновные деяния, но и к лицам, признанным социально опасными в силу своей преступной деятельности или связи с преступной средой. Примечательно, что подобная мера могла назначаться и без совершения лицом противоправных деяний. Достаточно было одного признания компетентными органами, что конкретное лицо «социально опасно». Представители бывших имущих классов попадали в круг действия такой формулировки.

Опасность лица обнаруживалась «совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку» (ст. 7 УК РСФСР

¹⁰Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. Р-83. Оп. 2. Д. 25. Л. 1.

¹¹Там же. Л. 3.

¹²Там же. Л. 7.

¹³Там же. Ф. Р-83. Оп. 2. Д. 17. Л. 7 об.

1922 г.)¹⁴. Хотя в числе преступлений не указывалась принадлежность к социальной группе «бывших», но, вероятно, здесь применялся принцип аналогии, отраженный в ст. 10, гласившей, что в случае отсутствия в Уголовном Кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются, согласно статей Уголовного Кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления с соблюдением правил общей части сего кодекса. Хотя обычная жизнь представителей «бывших» не подпадала ни под понятия «преступление», «умышленные действия», «неосторожные действия», «приготовление к преступлению» или «покушение на преступление», определяемые соответственно ст. 6, ст. 11, ст. 12 и ст. 13, применение таких норм означало признание *de facto* степени и характера опасности в самом факте их повседневной жизни. Все действия частной жизни, будь то получение помощи, устройство на работу, связь с родственниками, проживающими за границей, приглашение на чай в посольство трактовались, согласно статье 25 УК РСФСР 1922 г., как совершенные «в интересах восстановления власти буржуазии», направленные против государства. Таким людям приписывалось «заранее обдуманное намерение, <...> хитрость». В начале 1920-х гг. основанием, достаточным для ареста по обвинению в шпионаже, были даже посылки, присылаемые родственниками из-за границы. Так, две тети Ирины Татищевой в 1921 г. были арестованы и шесть месяцев содержались в тюрьме лишь потому, что из Бессарабии от родственников им пришла посылка, на которой были написаны их имена и фамилии¹⁵.

Подобные обыденные события относили к категории «направленных против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка» или «признаваемым ею наиболее опасными» (ст. 27 УК РСФСР 1922 г.). Возможно, таким образом предполагалось частично решать жилищную проблему [2, 126]. Это влекло за собой поражение прав и относилось уже к виду наказания (ст. 32, п. «ж» УК РСФСР 1922 г.), которое заключалось в лишении на срок не свыше пяти лет активного и пассивного избирательного права, права занимать ответственные должности (в том числе в профсоюзных и других общественных организациях), быть заседателем в народном суде, защитником в суде, поручителем и опекуном (ст. 40, пункты «а», «б», «в»). Поражение прав в качестве дополнительного наказания предусматривалось, по ст. 42, для опороченных по суду¹⁶.

5. Высылка и ссылка

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. в перечне преступлений не предполагал принадлежность к социальной группе «бывших», а среди наказаний не указывались ссылка и высылка. Эти меры были введены в том же 1922 г. специальными нормативными актами. Декрет ВЦИК «Об административной высылке» от 10 августа 1922 г. причиной высылки называл необходимость «изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям», и устанавливал такую меру, как изоляция в административном порядке в виде высылки за границу или в определенные местности РСФСР. Высылка в определенные местности РСФСР в административном порядке осуществлялась особой комиссией при НКВД: срок административной высылки не мог превышать трех лет (от 2 месяцев до трех лет). Административно высланные лишались активного и пассивного избирательного права, поступали под надзор местного органа ГПУ, определявшего место жительства высланного в районе высылки¹⁷. Следует отметить, что при обсуждении проекта этого декрета И. С. Уншлихт предлагал установить максимальный срок административной высылки в пять лет, но его предложение не было принято¹⁸.

31 октября 1922 г. был принят и введен в действие с 1 января 1923 г. Гражданский кодекс РСФСР. Гражданская правоспособность изучаемых категорий (способность иметь гражданские права и обязанности) была по-прежнему стеснена (ст. 4 ГК РСФСР 1922 г.), поскольку бывшие входили в группу граждан, ограниченных по суду в правах¹⁹.

¹⁴О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 1 июля 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

¹⁵Голицына И. Д. Указ. соч. С. 87, 90.

¹⁶О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 1 июля 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

¹⁷Об административной высылке [Электронный ресурс]: декрет ВЦИК от 10 авг. 1922 г. // Красноярское общество «Мемориал» [Сайт]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/dokument/USSR/220810.htm> (дата обращения: 13.06.2021).

¹⁸Записка И. С. Уншлихта И. В. Сталину с приложением проекта Постановления ВЦИК об административной высылке. 31 июля 1922 г. № 814118 // Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / под ред. акад. А. Н. Яковлева / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: МВД, 2003. С. 41.

¹⁹О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР (вместе с Гражданским кодексом РСФСР) [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 11 нояб. 1922 (с изм. от 02.02.1923). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Согласно п. 1 «Инструкции по применению постановления ВЦИК об административной высылке» от 3 января 1923 г., основанием для высылки служили деятельность, прошлое и связи с преступной средой, признаваемые опасными с точки зрения охраны революционного порядка²⁰. К ним применялся второй вид административной высылки – «высылка из данной местности в определенный район РСФСР» (п. 2). Согласно п. 16 этой Инструкции, административно высланные граждане после отбытия ими половины указанного срока могли возбуждать ходатайство о досрочном возвращении к месту постоянного жительства.

Ссылкой назывался вид уголовного наказания, состоящий в удалении осужденного из места его постоянного или временного жительства с обязательным поселением в определенной местности, как правило, на периферии (в пределах государства) на срок, указанный в приговоре.

Высылкой же считалось запрещение проживания в определенных местностях (обычно столичных или крупных городах). В отличие от ссылки, высланные выбирали место работы и жительства самостоятельно, кроме местностей, проживание в которых было запрещено. Административная высылка применялась к лицам, пребывание коих в данной местности представлялась опасной из-за их деятельности, связей с преступной средой с точки зрения охраны революционного порядка²¹.

Ссылка и высылка стали распространенной «мерой социальной защиты», применяемой к «бывшим людям», которые широко подпадали под категорию «лица, признанные судом по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально-опасными» и могли быть лишены по приговору суда права пребывания в определенных местностях на срок, не более 3 лет. Местами ссылки и высылки стали в основном отдаленные периферийные районы – Урал, Сибирь, Север, Средняя Азия, Казахстан.

Такие административные меры, как ссылка и высылку, нельзя было назвать лишением свободы, поскольку ссыльные и высланные не находились в специально установленных «местах лишения свободы», то есть в «исправительно-трудовых домах» (как назывались тогда тюрьмы), «трудовых сельскохозяйственных и ремесленных колониях» или «переходных исправительных домах» (см ст. 34 УК РСФСР 1922 г.). Но в то же время эти меры содержали элементы лишения свободы, поскольку во время ведения следствия люди содержались в тюрьмах, во время следования по этапу к ним применялись унижительные процедуры. В том числе они содержались в тюрьмах на последнем этапе этапирования.

«Удаление из определенной местности» относилось не к наказаниям, но к «другим мерам социальной защиты» (см. ст. 46 п. «г» УК РСФСР 1922 г.) и применялось вкуче с «воспрещением занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом» (ст. 46 п. «в» УК РСФСР 1922 г.). Это были две самых мягких меры из четырех видов мер социальной защиты в сравнении с применяемыми по п. «а» этой же статьи «помещением в учреждение для умственно или морально дефективных» или «принудительным лечением» (по п. «б» ст. 46 УК РСФСР 1922 г.).

6. Вытеснение чуждых

С начала 1920-х гг. из-за нехватки квалифицированных кадров значительная часть «бывших» (белых офицеров, дворян, бывших чиновников, помещиков и др.) и их дети работали в структуре государственных и даже партийных органов. Так, дочь личного дворянина, чиновника Почтово-телеграфного ведомства в Москве, по окончании Гражданской войны командированного в Челябинскую народную связь, Серафима Александровна Акимова (1905 года рождения) работала в народной связи, в миссии «АРА» в 1922 г. конторщицей, а с февраля 1923 г. – регистратором в прокуратуре Челябинского округа по 1926 г.²² С середины 1920-х гг. началась негласная чистка партийного и государственного аппарата от чуждых элементов. К примеру, дочь золотопромышленника Елена Афанасьевна Америкова (1886 года рождения), член партии большевиков с июля 1917 г., в ноябре 1924 г. была исключена из РКП(б) безоговорочно, как «неустойчивая и чуждая пролетариату по своей идеологии». Никакие ее заслуги (учительство в школе Кусинского завода, депутатство в Совете, работа в должности председателя партийной ячейки от представителей народного образования, рабо-

²⁰Инструкция по применению постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об административной высылке [Электронный ресурс]: Постановление НКВД РСФСР от 3 янв. 1923 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

²¹Инструкция по применению постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об административной высылке [Электронный ресурс]: Постановление НКВД РСФСР от 3 янв. 1923 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

²²ОГАЧО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 5. Л. 35.

та в 1920–1921 гг. на разных должностях в Златоустовском городском комитете РКП(б), инспекторство в 1924 г. в подотделе охраны материнства и младенчества при Челябинском отделе социального воспитания, выступления с лекциями и докладами, подготовка статей для публикаций в газетах и т. п.) не были учтены [4, с. 122–125]. На различных финансовых должностях и в торговле работал в Перми бывший в 1906–1916 гг. пермским городским головой купец II-ой гильдии, надворный советник, кадет, затем монархист П. А. Рябинин. Он эвакуировался из Перми с отступавшими белыми войсками, но потом вернулся. Его судьба, как и его семьи, теряется после 1930 г. [23].

В середине 1930-х гг. «бывшие», как правило, попадают под маховик репрессий. Их судьбы в регионах в это время требуют дальнейшего изучения. Приведем лишь один пример. Дочь золотопромышленника Валентина Даниловна Антоненко (в замужестве Антоненко-Жук), которая работала заведующей гостиницей в «городке чекистов» в Свердловске, в 1937 г. в связи с гостевой поездкой (в 1929 г. в г. Харбин) была обвинена в шпионаже и репрессирована. Характерно, что вместо подписи на протоколах допросов В. Д. Антоненко ставила слово «Ложь»²³.

Инструкция о выборах в Советы от 28 сентября 1926 г. расширила круг лишенных избирательных прав, официально включив в него «бывших офицеров и чиновников белых армий, а также руководителей контрреволюционных банд»²⁴. С 1 января 1927 г. был введен в действие Уголовный Кодекс РСФСР, принятый 1 июня 1926 г. В первой половине 1930-х гг. ближе к середине широко практиковалась высылка не в связи с каким-то конкретным преступлением, а «в порядке очистки местности» (столиц или промышленных центров). Высланные брались органами ГПУ на учет и под наблюдение с еженедельной регистрацией высланного. По прибытии каждому выдавалось удостоверение личности с указанием, откуда выслан для проживания, в какой район и на какой срок. В случае, если его высылали «с минусом» (см. п. 2 а), у высланного отбирались все документы, взамен которых выдавалось удостоверение, с указанием, откуда выслан и на какой срок, служившее ему видом на жительство. По прибытии на место назначения высланный поступал на учет в отдел распределения рабочей силы на общих основаниях²⁵. Так в 1935 г. в Ленинграде была проведена высылка почти 11 тысяч представителей «бывших» [2, с. 118].

Заключение

Социальная группа «бывших людей», состав которой юридически не фиксировался, имела аморфный характер. Первоначально ее основу составляли люди, имевшие до октября 1917 г. звание, титул или чин, дающие им и членам их семей привилегированный статус. Декреты о переделе собственности в условиях победы «красных» в Гражданской войне превращали представителей бывших имущих классов в маргинальную группу. Состав «бывших» тесно пересекался с составом «чуждых», «врагов народа». Постепенно с конца 1920-х гг. отношение к категориям «бывших» и «врагов народа» стало сближаться, социализировавшиеся «бывшие» активно вытеснялись из партийных, государственных и прочих структур; их социальное происхождение в середине 1930-х гг. стало основанием для репрессий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов В. А. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-40-х гг.: На материалах Северо-Запада РСФСР: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1998. 39 с.
2. Иванов В. А. Операция «Бывшие люди» в Ленинграде (февраль – март 1935 г.) // Новый часовой : Русский военно-исторический журнал. 1998. № 6–7. С. 118–131.
3. История Урала с древнейших времен до наших дней: Учебник для 10-11 классов общеобразовательных учреждений / колл. авторов под общей ред. И. С. Огоновской, Н. Н. Попова. Екатеринбург : Сократ, 2004. 496 с.
4. Калинин Е. А. Люди и судьбы // Архивное дело в Челябинской области: Информационный вестник. Ч. II (V) / гл. ред. А. П. Финадеев. Челябинск : Издательский дом Обухова, 1998. С. 122–125.
5. Марковчин В. В. «Бывшие люди»: монография. Курс : Юго-Западный гос. ун-т, 2013. 345 с.
6. Минжуренко А. В. Финал и эпилог: Исчезновение российского дворянства. Правовые расследования РАПСИ [Электронный ресурс] // РАПСИ: Российское агентство правовой и судебной информации: [Сайт].

²³Уральский государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 17899. Т. 1. Л. 1, 5об, 24.

²⁴Об утверждении Инструкции о выборах в Советы [Электронный ресурс]: постановление Президиума ЦИК СССР от 28 сент. 1926 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

²⁵Докладная записка Г. Г. Ягоды и А. Я. Вышинского И. В. Сталину с приложением проекта циркулярного распоряжения об использовании на работе лиц, сосланных или высланных в административном порядке. 31 мая 1935 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. С. 673.

[2018]. URL: http://rapsinews.ru/incident_publication/20181127/291671983.html (дата обращения: 12.06.2021).

7. Мирошниченко М. И. Социальный портрет репрессированных женщин 1928–1933 гг. (на материалах Урала) // Наука ЮУрГУ : материалы 65-й науч. конф. : секции соц.-гум. наук. Т. 1. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2011. С. 55–58.

8. Мирошниченко М. И. Женщины на Урале в 1920–1935 гг. монография Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2013. 269 с.

9. Родин Ф.В. Развитие генеалогии на Среднем Урале в 1990-е годы // Известия русского генеалогического общества / гл. ред. В.Х. Рыхляков. Вып. 11. СПб. : Российская национальная библиотека, Русское генеалогическое общество, 2000. С. 55–61.

10. Смирнова Т. М. «Экспроприация экспроприаторов» в Советской России // Источниковедение XX столетия. Тезисы докладов и сообщений науч. конф. Москва, 28–30 янв. 1993 г. / отв. ред. В. А. Муравьев. М. : РГГУ, 1993. С. 119–120.

11. Смирнова Т. М. Политика ликвидации эксплуататорских классов в Советской России и ее последствия. 1917–1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 26 с.

12. Смирнова Т. М. «Бывшие». Штрихи к социальной политике советской власти // Отечественная история. 2000. № 2. С. 37–48.

13. Смирнова Т. М. Социальный портрет «бывших» в Советской России 1917–1920 годов (По материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» осенью 1919 г. в Москве и Петрограде) // Социальная история. Ежегодник. 2000. М. : РОССПЭН, 2000. С. 87–126.

14. Смирнова Т. М. «Бывших» в условиях НЭПа (По материалам Москвы и Московской области) // НЭП и становление гражданского общества в России: 1920-е годы и современность (Материалы Всерос. науч. конф., Славянск-на-Кубани, 17–20 октяб. 2001 г.). Краснодар : КГУ, 2001. С. 156–159.

15. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М. : Мир истории, 2003. 296 с.

16. Смирнова Т. М. «В происхождении своем никто не повинен...»: проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в постреволюционное российское общество (1917–1936 гг.) // Отечественная история. 2003. № 4. С. 28–42.

17. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества (1917–1936 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 45 с.

18. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» – социальная категория или элемент идеологической риторики: К вопросу о социальной стигматизации послереволюционной России // Российская государственность: опыт 1150-летней истории : Материалы Международ. науч. конф. (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М. : Институт российской истории РАН, 2013. С. 396–407.

19. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» в послереволюционной России: Основные итоги, проблемы и перспективы изучения // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения : материалы Международ. науч. конф. (Москва, 9–11 октяб. 2017 г.) / отв. ред. Ю. А. Петров. М. : ИРИ РАН, 2017. С. 502–508.

20. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» России в 1917–1922 гг.: проблемы историографии, источников и методов исследования // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг. : очерки истории и историографии / отв. ред. Д. Б. Павлов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 263–291.

21. Смит Д. Бывшие люди: Последние дни русской аристократии / пер. с англ. Н. П. Соколова. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 392 с.

22. Татищевы [Электронный ресурс] // Генеалогическая база знаний: персоны, фамилия, хроники: [Сайт]. [2007]. URL: <https://baza.vgd.ru/1/38846/> (дата обращения: 12.06.2021).

23. Шумилов Е. Н. Рябинин Павел Александрович [Электронный ресурс] // Пермский край. Универсальная электронная энциклопедия. URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803927524>: [Сайт]. [2008]. (дата обращения: 12.06.2021).

M. I. Miroshnichenko (Chelyabinsk, Russia)

V. A. Zhuravleva (Zlatoust, Russia)

«FORMER PEOPLE»: STRUCTURE AND FEATURES OF REGULATORY AND LEGAL STATUS

Abstract. The article analyzes the social status, composition and dynamics of the structure of a new social group called «former people», which appeared since 1918. It is shown that the origins of its appearance were the provisions of the decree «On the destruction of estates and civil ranks», adopted on November 10, 1917, and the Constitution of the RSFSR in 1918. The core of the social group of the «former» was originally made up of people deprived of their rank, title or rank, giving them and their family members a privileged status. Comparison of the categories of persons deprived of voting rights, «former people» and «enemies of the people» shows that their composition mostly overlaps. It is concluded that the structure of the social group «former» was amorphous. Depending on the change in the political

situation, it included those social strata whose political position was opposite to the policy of the Soviets. Decrees on the redistribution of property in the conditions of the «Reds'» victory in the Civil War turned representatives of the former possessing classes (hence the name «former») into a marginal group. There was revealed the role of the Criminal Code of 1922, the Civil Code of 1922 and the Criminal Code of 1926 in the regulation of the situation for the «former» group. The measures of social protection applied in the Soviet state (exile, expulsion) were also considered. Gradually, in the public consciousness, the categories of «former» and «enemies of the people» began to converge. The change in the political situation led to the increase of repressions against the «former», while the personal loyalty of individual people who did not adhere to the Bolsheviks until October 1917 was not taken into account.

Keywords: «former people», nobles, tsarist officials, white cossacks, white officers, legal status.

REFERENCES

- Ivanov V. A. Mekhanizm massovykh repressii v Sovetskoj Rossii v kontse 20-40-kh gg.: Na materialakh Severo-Zapada RSFSR: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk, Saint-Petersburg, 1998, 39 p.
- Ivanov V. A. Operatsiya «Byvshie lyudi» v Leningrade (fevral' – mart 1935 g.), *Novyi chasovoi : Russkii voenno-istoricheskii zhurnal* [Russian Miniatory History Journal], 1998, no. 6–7, pp. 118–131.
- Istoriya Urals s drevneishikh vremen do nashikh dnei: Uchebnik dlya 10-11 klassov obshcheobrazovatel'-nykh uchrezhdenii / koll. avtorov pod obshchei red. I. S. Ogonovskoi, N. N. Popova, Ekaterinburg, Sokrat, 2004, 496 p.
- Kalinkina E. A. Lyudi i sud'by, Arkhivnoe delo v Chelyabinskoi oblasti: Informatsionnyi vestnik. Ch. II (V) / gl. red. A. P. Finadeev, Chelyabinsk, Izdatel'skii dom Obukhova, 1998, pp. 122–125.
- Markovchin V. V. «Byvshie lyudi»: monografiya, Kursk, Yugo-Zapadnyi gos. un-t, 2013, 345 p.
- Minzhurenko A. V. Final i epilog: Ischeznoenie rossiiskogo dvoryanstva. Pravovye rassledovaniya RAPSII [Elektronnyi resurs], RAPSII: Rossiiskoe agentstvo pravovoi i sudebnoi informatsii: [Sait]. [2018]. URL: http://rapsinews.ru/incident_publication/20181127/291671983.html (date of access: 12 June 2021).
- Miroshnichenko M. I. Sotsial'nyi portret repressirovannykh zhenshchin 1928–1933 gg. (na materialakh Urals), Nauka YuUrGU : materialy 65-i nauch. konf. : seksii sots.-gum. nauk. T. 1. Chelyabinsk, Izdatel'skii tsentr YuUrGU, 2011, pp. 55–58.
- Miroshnichenko M. I. Zhenshchiny na Urals v 1920–1935 gg. monografiya, Chelyabinsk, Izdatel'skii tsentr YuUrGU, 2013, 269 p.
- Rodin F. V. Razvitiye genealogii na Srednem Urals v 1990-e gody, *Izvestiya russkogo genealogicheskogo obshchestva* / gl. red. V.Kh. Rykhlyakov, vol. 11, Saint Petersburg, Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, Russkoe genealogicheskoe obshchestvo, 2000, pp. 55–61.
- Smirnova T. M. «Ekspropriatsiya ekspropriatorov» v Sovetskoj Rossii, *Istochnikovedenie XX sto-letiya. Tezisy dokladov i soobshchenii nauch. konf. Moskva, 28–30 yanv. 1993 g.* / otv. red. V. A. Murav'ev, Moscow, RGGU, 1993, pp. 119–120.
- Smirnova T. M. Politika likvidatsii ekspluatatorskikh klassov v Sovetskoj Rossii i ee posled-stviya. 1917–1920 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk, Moscow, 1995, 26 p.
- Smirnova T. M. «Byvshie». Shtrikhi k sotsial'noi politike sovetskoj vlasti, *Otechestvennaya istoriya*, 2000, no. 2, pp. 37–48.
- Smirnova T. M. Sotsial'nyi portret «byvshikh» v Sovetskoj Rossii 1917–1920 godov (Po materialam registratsii «lits byvshego burzhuaznogo i chinovnogo sostoyaniya» osen'yu 1919 g. v Moskve i Petrograde), *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik*, 2000, Moscow, ROSSPEN, 2000, pp. 87–126.
- Smirnova T. M. «Byvshikh» v usloviyakh NEPa (Po materialam Moskvy i Moskovskoi oblasti), *NEP i stanovlenie grazhdanskogo obshchestva v Rossii: 1920-e gody i sovremennost'* (Materialy Vseros. nauch. konf., Slaviansk-na-Kubani, 17–20 oktyab. 2001 g.), Krasnodar, KGU, 2001, pp. 156–159.
- Smirnova T. M. «Byvshie lyudi» Sovetskoj Rossii: Strategii vyzhivaniya i puti integratsii, 1917–1936 gg., Moscow, Mir istorii, 2003, 296 p.
- Smirnova T. M. «V proiskhozhdenii svoem nikto ne povinen...»: problemy integratsii detei «sotsi-al'no chuzhdykh elementov» v postrevolyutsionnoe rossiiskoe obshchestvo (1917–1936 gg.), *Otechestvennaya istoriya*, 2003, no. 4, pp. 28–42.
- Smirnova T. M. «Byvshie lyudi» v sotsial'noi strukture i povsednevnoi zhizni sovetskogo obshchestva (1917–1936 gg.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk, Moscow, 2010, 45 p.
- Smirnova T. M. «Byvshie lyudi» – sotsial'naya kategoriya ili element ideologicheskoi ritoriki: K voprosu o sotsial'noi stigmatizatsii poslerevolutsionnoi Rossii, *Rossiiskaya gosudarstvennost': opyt 1150-letnei istorii : Materialy Mezhdunarod. nauch. konf. (Moskva, 4–5 dekabrya 2012 g.)*, Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, 2013, pp. 396–407.
- Smirnova T. M. «Byvshie lyudi» v poslerevolutsionnoi Rossii: Osnovnye itogi, problemy i per-spektivy izucheniya, *Velikaya rossiiskaya revolyutsiya, 1917: sto let izucheniya : materialy Mezhdunarod. nauch. konf. (Moskva, 9–11 oktyab. 2017 g.)* / otv. red. Yu. A. Petrov, Moscow, IRI RAN, 2017, pp. 502–508.
- Smirnova T. M. «Byvshie lyudi» Rossii v 1917–1922 gg.: problemy istoriografii, istochnikov i me-todov issledovaniya // *Rossiya v gody Grazhdanskoi voiny, 1917–1922 gg. : ocherki istorii i istoriografii* / otv. red. D. B. Pavlov, Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018, pp. 263–291.

21. Smit D. Byvshie lyudi: Poslednie dni russkoi aristokratii / per. s angl. N. P. Sokolova, Moscow, Novoe literaturnoe. obozrenie, 2018, 392 p.
22. Tatishchevy [Elektronnyi resurs], Genealogicheskaya baza znani: osoby, familiya, khroniki: [Sait]. [2007], URL: <https://baza.vgd.ru/1/38846/> (date of access: 12 June 2021).
23. Shumilov E. N. Ryabinin Pavel Aleksandrovich [Elektronnyi resurs], Permskii krai. Universal'-naya elektronnyaya entsiklopediya, URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803927524>: [Sait]. [2008] (date of access: 12 June 2021).

Мирошниченко М. И., Журавлева В. А. «Бывшие люди»: структура и особенности нормативно-правового статуса // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5. № 3. С. 27–36.

Miroshnichenko M. I., Zhuravleva V. A. «Former People»: Structure and Features of the Regulatory and Legal Status, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2021, vol. 5, no. 3, pp. 27–36.

Дата поступления статьи – 23.08.2021; 1,08 печ. л.

Сведения об авторах

Мирошниченко Мария Ильинична – доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Института медиа и социально-гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет», Челябинск, Россия; mmi74@yandex.ru.

Журавлева Вера Анатольевна – доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-правовых и гуманитарных наук, филиал Южно-Уральского государственного университета (Златоуст, Россия); zhuravlvera@yandex.ru.

Authors:

Mariya I. Miroshnichenko, Associate Professor, Ph.D. in History, Professor, Department of Russian and foreign history, Institute of Media and Social Sciences and Humanities, South Ural State University (SUSU), Chelyabinsk, Russia; mmi74@yandex.ru.

Vera A. Zhuravleva Associate Professor, Ph.D. in History, Professor, Department of Socio-Legal Sciences and Humanities, The branch of South Ural State University (SUSU), Zlatoust, Russia; zhuravlvera@yandex.ru.